

В этот момент Гао Вэй, бледный как полотно, с выступившим на лбу потом, внезапно опустился на колени перед Чжао Фу. В Великой Сун коленопреклонения были практически упразднены, поэтому от этого жеста сердце Тан Шэня екнуло, а Чжао Фу прищурился. Гао Вэй пытался говорить твердо, но все равно слегка дрожал, и голос его прерывался. Его слова прозвучали подобно грому среди ясного неба, с грохотом обрушившись на золотые плиты Дворца Чуйгун:

— Нижайший слуга приветствует Ваше Величество. Ваш слуга прибыл из Цычжоу, куда полгода назад отправился по указу, чтобы строить казенный тракт. С наступлением лета на севере непрерывно шли проливные дожди, а вчера после полудня разразился настоящий ливень, который размыл... и обрушил один из мостов на тракте.

Тан Шэнь, как раз делавший записи кистью, услышав это, поднял голову и в изумлении уставился на Гао Вэя.

Лишь спустя долгое время Чжао Фу неторопливо спросил:

— Один мост?

Гао Вэй еще ниже склонил голову:

— В ответ Его Величеству — это мост, перекинутый через реку Цзинхэ.

Чжао Фу спросил:

— Есть ли погибшие или раненые?

Гао Вэй на мгновение смолк, и его голос стал совсем тихим:

— Число погибших и раненых... на данный момент еще не подсчитано...

— Мерзавец!

Раздался резкий стук — Чжао Фу схватил со стола доклад и с силой швырнул его прямо в лоб Гао Вэю. В тот же миг брызнула кровь — на лбу Гао Вэя зияла глубокая рана. Но разве смел он показать, что ему больно? Напротив, он распластался на полу, воскликнув:

— Ваш слуга признает свою вину!

Девятого дня восьмого месяца 28-го года эры Кайпин на реке Цзинхэ прошел сильный ливень, который разрушил строящийся мост. Погибло и пострадало около сотни человек; двор и чиновничество были потрясены.

На севере рек мало, и река Цзинхэ была самой длинной рекой на севере Великой Сун. Берущая свое начало в Сюйчжоу, она пересекала Цычжоу и Цзинчжоу, служа главным источником воды для трех северных областей. Любой путь, который прокладывали из Шэнцзина в Цычжоу, неизбежно должен был пересекать реку Цзинхэ. С точки зрения Тан Шэня, река Цзинхэ не шла ни в какое сравнение с Янцзы, и в будущем построить через нее мост не составило бы труда. Однако в нынешнюю эпоху это было грандиозным, сложнейшим делом.

Казенный тракт до Цычжоу было гораздо труднее проложить, чем до Нинчжоу, именно из-за необходимости возведения моста через реку Цзинхэ.

Но никто не ожидал, что этот мост, достроенный лишь наполовину, внезапно рухнет!

Все чиновники пребывали в смятении, а император был в ярости.

Гнев Сына Неба повергает в прах миллионы, проливая реки крови на тысячи ли.

На утренней аудиенции следующего дня Чжао Фу отбросил свою обычную сдержанность и терпение и осыпал министров бранью.

— Государство кормит вас отборным зерном и рисом, а вырастило лишь ораву никчемных бездельников, даром проедающих свое жалованье! Еще позавчера Я получал из Цычжоу вести, что дела идут отлично и все спокойно. А сегодня Мне докладывают, что мост рухнул и случилась беда! Вот как вы служите, вот какую дорогу вы строите для Меня?!

В зале воцарилась мертвая тишина, никто не смел вымолвить ни слова.

На самом деле собравшиеся сановники чувствовали себя несправедливо обвиненными. Строительство тракта находилось в ведении Приказа общественных работ; остальные ведомства — будь то Приказ чинов, Военный приказ или местные власти — лишь оказывали содействие. Если мост рухнул, то главная вина лежала на Приказе общественных работ. Это их чиновники спроектировали мост без учета обильных летних дождей в этом году. Даже если бы мост не рухнул сейчас, он непременно обвалился бы в будущем. Просто всем не повезло: обрушение произошло прямо во время строительства, придавив насмерть десятки людей и столько же утопив. Рухни он позже, погибли бы, возможно, один-два человека, а то и вовсе никто, и Чжао Фу не разразился бы таким гневом.

Однако на самом деле Чжао Фу гневался вовсе не из-за гибели сотни ремесленников и нескольких мелких чиновников. Присутствовавшие во Дворце Цычэнь влиятельные сановники стояли, опустив глаза и затаив дыхание. Все они прекрасно понимали: Чжао Фу чувствовал себя уязвленным. Он считал, что подчиненные не справились с его поручением и выставили его в дурном свете.

Именно это его по-настоящему и задевало.

Дав волю гневу, Чжао Фу умолк. Тогда левый советник Центрального секретариата канцлер Чэнь сделал шаг вперед и произнес:

— Дело на реке Цзинхэ не терпит отлагательств. Ваш слуга предлагает Его Величеству направить туда инспектора для проведения расследования.

Чжао Фу спросил:

— Есть ли у вас кто-то на примете, министр Чэнь?

Чэнь Линхай ответил:

— По мнению вашего слуги, господин Цзи Чжи из Цензората вполне справится с этой задачей.

Еще во время утренней аудиенции советники Центрального секретариата составили список тех, кто на следующий день должен был отправиться в Цычжоу. В тот день Тан Шэнь не нес службу во дворце. Он уже видел вчерашний гнев Чжао Фу во Дворце Чуйгун, поэтому известие о том, что император снова вспылil на утреннем приеме, его не удивило. Однако во второй половине дня в Ямынь Центрального секретариата прибыл евнух и передал Тан Шэню повеление явиться во дворец: Чжао Фу требовал его к себе.

Тан Шэнь удивился, но послушно последовал за евнухом во дворец.

Обычно в это время Чжао Фу занимался государственными делами во Дворце Чуйгун, но сегодня евнух привел Тан Шэня к Террасе Восхождения к Бессмертным. Евнухам вход туда был заказан, поэтому Тан Шэнь немного подождал снаружи, пока изнутри не вышел Цзи Фу и не ввел его в покои.

Террасу Восхождения к Бессмертным Чжао Фу выстроил специально для своих даосских практик и поисков бессмертия. Это был единственный трехэтажный чертог во всем дворцовом комплексе. Прежде Чжао Фу предавался самосовершенствованию на первом этаже, но сегодня Цзи Фу привел Тан Шэня на третий. Чжао Фу стоял у перил открытой галереи, вглядываясь вдаль, откуда весь императорский дворец был виден как на ладони.

Тан Шэнь произнес:

— Ваш слуга Тан Шэнь приветствует Его Величество.

Чжао Фу не обернулся. Продолжая смотреть на крыши дворцовых павильонов, он указал рукой вдаль:

— Знает ли Цзинцзэ, что это за место?

Тан Шэнь проследил за его жестом. Вдалеке виднелся дворец, крытый желтой глазурованной черепицей, ничем не отличавшийся от остальных. Тан Шэню позволялось перемещаться лишь по строго определенной части дворца, так что он понятия не имел, что это за здание.

Он честно ответил:

— Ваш слуга не знает.

— Это Дворец Белого Оленя. Я сам начертал иероглифы для его вывески. Там содержат того самого белого оленя.

Тан Шэнь опустил голову, глядя в пол, и промолчал. Он служил придворным историографом уже год и, пусть не смел утверждать, что до конца постиг мысли государя, отлично понимал, что сейчас Чжао Фу не ждет от него ответа.

И действительно, Чжао Фу продолжил:

— «Небеса ниспослали благое предзнаменование, дабы благословить Великую Сун» — так два месяца назад лепетали эти ничтожества. И вот какое великое «знамение» они в итоге преподнесли Мне! Цзинцзэ, не желаешь ли ты отправиться в Цычжоу от Моего имени?

Тан Шэнь внутренне содрогнулся. В его голове вмиг пронеслась тысяча мыслей: он совершенно не понимал, к чему клонит Чжао Фу. Однако внешне он лишь низко поклонился и со всем почтением произнес:

— Ваш слуга в глубоком трепете. Обязанность вашего слуги как придворного историографа — лишь фиксировать повседневную жизнь Его Величества.

— Цзинцзэ не желает?

Пальцы Тан Шэня дрогнули. Множество мыслей пронеслось в голове, сменяя друг друга, десятки возможных ответов всплыли в уме. В следующий миг он поднял голову и посмотрел на

Чжао Фу полным тревоги и беспокойства взглядом, однако голос его прозвучал твердо:

— Ваш слуга готов разделить заботы Его Величества!

Чжао Фу окинул Тан Шэня снисходительным и мягким взглядом и с улыбкой произнес:

— В таком случае завтра Цзинцзэ отправится вместе с Цзи Чжи и остальными.

Тан Шэнь сжал пальцы в кулаки:

— Ваш слуга повинуетя.

Тан Шэнь покинул Террасу Восхождения к Бессмертным торопливым шагом, терзаемый смутными предчувствиями. После его ухода Чжао Фу еще долго стоял на третьем этаже, оглядывая раскинувшийся внизу дворец. Лицо его было бесстрастно, а теплая улыбка, с которой он только что разговаривал с Тан Шэнем, бесследно исчезла.

Вернувшись в ведомство, Тан Шэнь долго размышлял над произошедшим, но так и не смог разгадать замысел Чжао Фу.

Цзи Чжи и другие чиновники были назначены инспекторами для поездки в Цычжоу советниками Центрального секретариата на утренней аудиенции. Однако Чжао Фу решил добавить к ним Тан Шэня, сделав его одним из инспекторов, и вдобавок велел каждые три дня отправлять в столицу тайные доклады о происходящем в Цычжоу.

— Он хочет, чтобы я стал его глазами и ушами, — пришел к выводу Тан Шэнь.

Тан Шэнь не понимал, почему Чжао Фу возложил эту обязанность именно на него.

Если бы императору требовался человек для отправки тайных донесений из Цычжоу, он должен был выбрать кого-то из своих доверенных лиц. По чистому совпадению в прошлом месяце в Цычжоу в качестве инспектирующего чиновника отправился Су Вэньюнь, заместитель главы Судебного приказа, который до сих пор не вернулся обратно. Именно он подходил на эту роль лучше всего. И тем не менее Чжао Фу обратился к Тан Шэню, ни словом не упомянув о Су Вэньюне.

Неужели между Чжао Фу и Су Вэньюнем пролегла трещина?

Неужели Чжао Фу больше не доверяет Су Вэньюню?

И для чего Чжао Фу отправляет его в Цычжоу на этот раз — расследовать происшествие на реке Цзинхэ или шпионить за Су Вэньюнем?

Окутанный туманом город преградил Тан Шэню путь. Сделать шаг назад он не мог — легкий толчок Чжао Фу вынудил его войти внутрь.

Спустя долгое время Тан Шэнь тяжело выдохнул.

— «Не слушай, не спрашивай»... Ван Цзыфэн, неужели ты уже тогда предвидел то, что происходит сегодня? — подумав об этом, Тан Шэнь счел это невозможным. Он самокритично усмехнулся: каким бы проницательным ни был Ван Цзыфэн, он не мог предугадать, что через полмесяца проливной дождь обрушит мост на реке Цзинхэ.

Ван Чжэнь все еще находился в Ючжоу и не возвращался в столицу. У Тан Шэня не было

никакой возможности расспросить его.

Но Ван Чжэнь сказал: «Не слушай, не спрашивай».

— Путь в Цычжоу предопределен, у меня нет выбора. Но добравшись туда... не нужно слушать, не нужно спрашивать.

На следующий день инректор Цензората Цзи Чжи во главе группы чиновников покинул столицу и направился на север, в сторону Цычжоу.

<http://bllate.org/book/18292/1754544>